

УДК 314(470.621)

DOI: 10.47928/1726-9946-2020-20-4-88-91

Адыгский этнос в условиях поиска стратегической перспективы: демографический аспект

Шаов А.А., Нехай В.Н.

Представлено академиком АМАН Тлеуж А.Х.

Современный российский социум на протяжении трех десятилетий оказывается во влиянии затяжного демографического кризиса, предполагающего снижение рождаемости и неизбежный перспективный рост смертности, что в результате приводит к неизбежному старению населения. Так, согласно данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в России за 1990-2019 гг. сократился на 20% с 1,892 до 1,504. Значение общего коэффициента рождаемости в течение тридцати лет упало с 13,4‰ до 10,1‰. За этот же период общий коэффициент смертности вырос с 11,2‰ в 1990 г. до 12,3‰ в 2019 г. В абсолютных показателях население страны за аналогичный период сократилось с 147.665 тыс. человек в 1990 г. до 146.748 тыс. человек в 2020 г. (данные за 2020 г. приведены с учетом населения Республики Крым и г. Севастополь) [1], что наглядно демонстрирует резистентность и виталистичность демографического спада. Негативные последствия демографического кризиса были частично сглажены за счет постепенного роста продолжительности жизни россиян, однако сокращение доли репродуктивного населения и, в первую очередь, числа женщин, в обозримом будущем может вызвать дальнейший спад числа жителей страны.

В осмыслении причин демографического кризиса мнения ученых обществоведов расходятся. Одни утверждают, что спад рождаемости и последовавший за ним подъем показателей смертности детерминируются ухудшением социально-экономических условий и падением уровня жизни россиян в 1990-е гг. Другие мыслители, напротив, склонны объяснять спад репродуктивного потенциала нарастанием духовного кризиса, вызванного перманентной деконструкцией ценностей традиционного общества. В силу сохранения инерционности в воспроизводстве социо-аксиологического праксиса малочисленных этносов, к числу которых относятся и адыги, некоторое время традиционные институты осуществляли ретрансляцию базовых соционормативных принципов. Однако оказавшись в эпицентре модернизационных процессов, адыгская аутентичная культура форсированно подвергалась духовному демонтажу. Фундаментальным основанием указанной деконструкции стала принудительная смена картины мира, в которой модернизм радикально отрицал образ будущего в его соотнесенности с традиционным мировоззрением. Отныне последнее квалифицировалось как репрессивная инстанция, которой онтолого-эпистемологический модернистский проект противопоставил эксклюзивные антропологические, гносеологические и ценностно-нормативные концепты своим традиционным аналогам. Более того, вхождение в данный модернистский проект проходило по форсированному варианту, который своей колонизационной матрицей не оставлял выбора для реактуализации аутентичного этносоциального кода. В этих условиях возникает потребность в формулировке стратегической перспективы этноса, связанной с обращением к образу будущего. Причем значимость данный образ обретает при выстраивании диа-

лектической связи прошлого как базового идентификационного атрибута с будущим как способом континуализации принципа общего блага. В данной идее содержится концепт справедливости, который отражает гармоничное соотношение личного и общественного интереса.

Однако указанная целостность не раскрывается вне традиционной культуры, поскольку аксиологическая терминализация блага как коллективного ресурса и идентификационного критерия апеллирует к коллективным архетипам единого образа жизни. Он, в свою очередь, элиминируется определенной эпистемой (знанием), которая носит локальный и универсальный характер. Очевидно, что любое знание предполагает объективацию посредством определенной фигуры – его носителя, обладающего духовно-интеллектуальным, общественным и нравственным авторитетом. Кроме того, специфика образа жизни обусловлена взаимной легитимацией знания и фигуры. В процессе этногенеза соционормативная система адыгов (адыгство) выступила в качестве этногенетического фактора, а, в последствии, и этноконсолидирующего ресурса, поскольку она сформировала единое этническое самосознание в рамках таксономически разноуровневых субэтнических группах. Под этническим самосознанием мы понимаем систему осознанных представлений (значений) и оценок (смыслов), формирующих базовые социointegrative признаки (компоненты) этнокультурного мира. Феномен адыгства, как правило, рассматривался с позиции культуры, традиций, обычаев, системы ценностей, этики и воспитания, мировоззренческого наполнения. В сфере этнических ценностей адыгство рассматривается как «явление, в котором аккумулируется все самое лучшее, что характеризует адыгов, - совокупность лучших нравственных норм, своего рода нравственный закон адыгов, т.е. предписание относительно того, как человек должен вести себя дома и в обществе. Это та самая сущность, имманентно присущая только адыгской нации. Адыгство основано на народной мудрости, добре, несет в себе любовь и правду, терпимость и уважение» [2, с. 78-79].

Вместе с тем, на наш взгляд, адыгство включает в себя всю полноту соционормативных атрибуций и замыкает их на себе в качестве этноидеологической системы. Исторически невозможно проследить, кто стоял у истоков формирования подобной идеологии, не представляется возможным определить основоположника(-ов) этнической идеологии адыгства. Процесс этот, вероятно, происходил в несколько этапов. Неизвестно, как и кем реализовалась на первом этапе этническая идеология, одним лицом, либо группой лиц (напр.: жрецами). Тем не менее, санкционировав образование этнической общности и закрепившись в этнониме, этническая идеология в последующие этапы естественным образом становится своего рода правящей идеологией, реализуя содержащиеся в ней смысловые значения права, морали, этикета. В свою очередь, этноидеология формировалась и существовала в рамках определенной культуры и фактически определялась ею. Тем самым, формируясь в рамках данной культуры, этническая идеология определяет наиболее общие принципы теоретической и практической деятельности человека и в своей направленности является лишь этнической системой, объясняющей мир и поведение в нем человека, но не является средством его радикального изменения.

Идеологическую форму, лежащую в основе этнического самосознания адыгского этноса, можно определить, на наш взгляд, как этническую идеологию. Этническая идеоло-

гия – это тип идеологии, где последняя выступает в качестве основного этнообразующего фактора этнического самосознания и актуализируется в этнониме самоназвания этноса. В период этногенеза самосознание развивается и формируется как процесс овладения индивидом значениями и смыслами этнокультурного мира. Под этническими «значениями» и «смыслами» понимается «общное» для представителей конкретного этнического сообщества [3, с. 22-24].

Указанная соционормативность в условиях общества модерна в значительной мере утратила свой потенциал в вопросе реализации институциональных задач адыгского этноса. Если ранее, в эпоху расцвета традиционного социума, адыгство сумело мобилизовать базовые институты в воспроизводстве социорегулятивных и демографических практик, то в современном глобализирующемся мире продвигаемые западной цивилизацией унификационные проекты поставили традиционные институты на грань выживания, объявив их архаическими рудиментами. В этой ситуации перед адыгами как этносом возникает дилемма: солидаризироваться с логикой безудержной глобализационной энтропии и безвозвратно потерять свой этнокультурный облик, либо реанимировать конструктивный потенциал традиционных институций и встроить его мировоззренческий каркас в этноидеологическое пространство народа, тем самым, «прощупав пульс» теряющего культурный иммунитет этноса. Если первый сценарий активно поддерживается утилитарно-гедонистическими паттернами современной цивилизации, то второй сценарий предполагает разработку стратегии этносоциального развития, направленной на определение перспективы жизнеспособности традиционных соционормативных регулятивов, отвечающих за воспроизводство институциональных и аксиологических практик. Стратегическое развитие коррелирует с задачей конструирования образа будущего, в котором адыги получают возможность обретения исторической субъектности. Субъектность выражается в способности осуществлять коллективную волю народа посредством встраивания в универсальный проект цивилизационного масштаба. Он исторически связан с монотеистической стратегией эсхатологического реванша, воспроизводящий этнический мир, который конституируется символической фигурой, обладающей авторитетом и признанием, способной генерировать онтолого-эпистемологические контуры семантики прошлого, настоящего и будущего, синхронизировать институциональные механизмы воспроизводства этнического бытия и прокладывать траекторию стратегического развития этноса.

Подводя итоги, следует отметить, что назревший духовный кризис адыгского этноса оказал деструктивное влияние на базовые социальные институты, отвечающие за его популяционное и ценностно-нормативное воспроизводство. Он обусловлен потерей традиционного образа жизни, преданного цивилизационному остракизму эпохой радикального модерна, которая ограничила этнокультурную адаптивность. На наш взгляд, полноценная жизнеспособность адыгского этноса в стратегической перспективе может быть обеспечена посредством конструирования образа будущего, в котором гармонично сочетаются локальное (этнокультурное) и универсальное (этнорелигиозное) основания духовного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения – 21.10.2020)
2. *Шадже А. Ю.* Национальные ценности и человек (социально-философский аспект). Майкоп: изд-во Адыгейского государственного университета, 1996. 168 с.
3. *Шаов А. А.* Этническая идеология в традиционном обществе (социально-философский аспект). Майкоп: изд-во Адыгейского государственного университета, 2001. 54 с.

ABSTRACT

The article considers the features of the transformation of the Adyghe society in the context of demographic transition. It is noted that the demographic crisis in the Adyghe ethnic environment is determined by the weakening of the spiritual potential of the traditional society. In the conditions of the weakening of the reproductive potential of the ethnos, the need to develop and implement a large-scale strategic model of demographic planning, taking into account modern civilizational challenges, is indicated.

Keywords: demography, strategic development, Adyghe ethnos, modernity, traditional society, globalization.

Adyghe State University, Maikop;

E-mail: ¹*asfarshaov@mail.ru*, ²*slava0482@mail.ru*

© А.А. Шаов¹,
V.N. Nekhai², 2020

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности трансформации адыгского социума в условиях демографической транзиции. Отмечается, что демографический кризис в адыгской этносреде детерминируется ослаблением духовного потенциала традиционного общества. В условиях ослабления репродуктивного потенциала этноса обозначается необходимость разработки и реализации широкомасштабной стратегической модели демографического планирования с учетом современных цивилизационных вызовов.

Ключевые слова: демография, стратегическое развитие, адыгский этнос, модерн, традиционное общество, глобализация.

Адыгейский государственный университет, Майкоп;

E-mail: ¹*asfarshaov@mail.ru*, ²*slava0482@mail.ru*

© А.А. Шаов¹,
В.Н. Нехай², 2020